

Деревня обретает свою сущность и характер благодаря земле. Дом, улица, жители существуют на определенном месте и благодаря местным ресурсам. И именно земля силой своего плодородия обеспечивает существование деревни как некоей совокупности факторов материальных и человеческих. Мы привели убедительную, вполне материалистическую дефиницию Г. Рупнеля в поддержку выдвигаемых нами соображений по поводу сельской общины в византийскую и поствизантийскую эпоху на греческих территориях, с учетом и других регионов, принадлежавших к той же цивилизации⁷. Однако сразу же оговорим для себя «пути отступления»: мы не учитываем материальный базис, на котором строилась сама византийская цивилизация, т. е. реальный уровень развития производственной техники в различных частях Римской империи ко времени ее падения.

В так называемую доисторическую эпоху, когда мелкое землепользование было весьма продуктивным и благодаря ему была распахана территория архаической Греции, мелкий производитель сам изготавливал для себя инвентарь. В классическую римскую эпоху, когда рабы были доминирующей рабочей силой в сельском хозяйстве, именно крупное землевладение обеспечивало прогресс в мелких хозяйствах колонов: селекцию, мелиорацию, рационализацию, завершая таким образом процесс, начавшийся в обширных областях Ближнего Востока и Карфагена⁸. Из-за скудости этнографических и археологических исследований, проводившихся в рамках сельской округи, мы вплоть до настоящего времени⁹ представляем себе византийский и поствизантийский крестьянский инвентарь исключительно по письменным источникам и памятникам изобразительного искусства, по рисункам в рукописях и изображениям на кости, не позволяющим отделить реальную основу произведения от элементов воображения художника. Это были плуг, серп, коса, двуручный цеп, ручная сажалка, вилы, ярмо (античный *tribolos*), кузнечный горн, гидравлическая мельница и т. д. В целом эти данные относятся к эпохе, от которой сохранились кадастры¹⁰.

Исследования об «аграрной среде» только начаты и представляют собой лишь наброски, возможно, сугубо регионального характера, несмотря на то, что археологические и письменные источники охватывают Сирию, Иорданию, Малую Азию и Восточную Македонию. В IV столетии мы видим удаленные друг от друга, изолированные дома, которые, умножаясь в числе, составляют целостные комплексы, но и в них сами дома всегда расположены отдельно. За исключением церквей, больших или малых, которые всегда были многочисленны, общественные здания встречались очень редко; мы имеем в виду бани, гостиницы, помещения для собраний, именовавшиеся «андронами», которые, кажется, исчезли вовсе уже в IV в. Деревня раннего средневековья, которая мало-помалу укреплялась вплоть до середины VI в., не имела ни рыночной площади, ни места для собраний перед церковью, ни системы улиц; «островки» смежных домов отделялись друг от друга пустырями или кривыми и узкими улочками, а на периферии таких «островков» всегда стояло несколько отдельных домов.

На Ближнем Востоке такая деревня была окружена садами, иногда — огороженными; далее шли пахотные земли, в свою очередь окруженные пастбищами и сенокосами. Индивидуальные участки в этой аграрной зоне часто отделялись каменными оградами или просто межами из камней. Экологический уровень такого поселения очевиден — он зависит от

⁷ Histoire de la campagne française // Collection Terre Humaine. P., 1981. P. 249.

⁸ Parain Ch. Les anciennes techniques agricoles // Outils, ethnics et developpement historique (Collection Terrains). 1979. P. 215—223.

⁹ См. ниже, примеч. 17.

¹⁰ Kopstein H. Gebrauchsgegenstände des Alltags in archaologischen und literarischen Quellen. // JÖb. 1981. Bd. 31, T. 1. P. 355—375.